Copyright © 2018 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation

Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for

Humanities of the Russian Academy of Sciences)

Has been issued as a journal since 2008 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008

Vol. 37, Is. 3, pp. 15–22, 2018

DOI 10.22162/2619-0990-2018-37-3-15-22 Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК 94(47)

Kalmyks in the Derbent Campaign of 1722*

Vladimir T. Tepkeev¹

¹ Ph.D. in History (Cand. of Historical Sc.), Senior Research Associate, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: tvt75@mail.ru

Abstract. The article examines an understudied episode in the history of the Kalmyk Khanate — participation of Kalmyk horse troops in the Persian (Derbent) Campaign of 1722. And that was during the campaign when the first — and most memorable — meeting between the Russian Tsar Peter the Great and the Kalmyk Khan Ayuka took place. The main question discussed at the negotiations was that of Kalmyk horse troops to join the military expedition. Outcomes of the meeting proved positive enough, the only contestable issue to settle being the number of cavalry units to be dispatched. As was reported by contemporaries, the political status of the Kalmyk Khan was significant enough within the imperial hierarchy, which definitely stirred both astonishment and curious assessments.

The paper concludes the military campaign exemplifies somewhat multivalued external policies conducted by the Kalmyk ruler that rather characterize the latter as an independent politician who tended to make original decisions without strict adherence to Russia's interests only. The available documents testify that despite the stressful international situation Ayuka maintained good neighborly relations with some North Caucasus rulers, including those of Dagestan. Right before the Persian Campaign the Kalmyk Khanate pursued active relations with the Crimea and Kuban Horde. Still, the Russian Government was well aware of the contacts and did not intend to mar relations with the Kalmyk ruler, since it hoped to make use of Kalmyk horsemen in its confrontation against the Ottoman Empire and Persia.

The participation of Kalmyk horsemen in the Derbent expedition proved actually neither mass nor crucial, and was largely limited to punitive operations in the territory of North Dagestan against separate chieftains of Usmey and Utemysh districts who displayed strongest resistance to the Russian troops. Thus, the then Kalmyk-Kumyk relations were basically good-neighborly, which is evident from the Kalmyk Khan's efforts to warn Kumyk landlords about the imminent danger in the form of the invading Russian army.

However, Ayuka completely supported the conquering policies conducted by Peter the Great since during the latter's reign Kalmyk horse troops participated in virtually all Russia's wars, including those in the North Caucasus. But Khan Ayuka's motives were not limited to Russian geopolitical interests only. So, Terek Nogais captured by Kalmyks in the course of the Derbent expedition were subsequently resettled to the Volga region. This again shows that first and foremost Ayuka pursued his own interests and made every effort possible to take advantage of any political situation.

Keywords: Kalmyks, Kumyks, Derbent Campaign, Kalmyk Khanate, Dagestan, Peter the Great, Khan Ayuka

^{*} Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Калмыцкое ханство в первой четверти XVIII века» (номер госрегистрации: AAAA-A16-116053010036-2).

В исследованиях, посвященных эпохе правления калмыцкого хана Аюки, невозможно обойти вниманием и такой аспект, как участие калмыцкой конницы в войнах России в петровскую эпоху. В ряду этих войн — Дербентский поход Петра Великого 1722 г., в который внесли свой вклад и калмыцкие воины. Тема эта весьма интересная и знаменательная, если учесть, что в рамках данного военного мероприятия впервые произошла и личная встреча российского императора и калмыцкого хана. Первыми работами, где затрагивалась подробно указанная тема, были исследования В. М. Бакунина [Бакунин 1995] и Н. Н. Пальмова [Пальмов 1932]. В современной историографии участие калмыков в этой военной кампании остаётся, к сожалению, обделенным вниманием исследователей. Можно только отметить, что эта тема затрагивалась в ряде работ, посвященных истории Калмыцкого ханства и русско-калмыцких отношений [Батмаев 1993; Беликов 1960; Кундакбаева 2005; Колесник 2003; Цюрюмов 2007; Шовунов 1991]. Учитывая неполную изученность данной темы, в статье предполагается рассмотреть все обстоятельства при подготовке и участии калмыков в указанной военной кампании.

Дербентский поход 1722 г. проходил в рамках Персидской военной кампании. В начале XVIII в. Персия пребывала в глубоком кризисе и была не в силах контролировать основную часть своих провинций, на которые претендовала Османская империя. Вероятная турецкая экспансия в район Прикаспия вызывала серьезную тревогу в высших правительственных кругах России, поскольку это явно обостряло ситуацию на южных рубежах империи. Возможное османское наступление в прикаспийский регион и укрепление позиций в северокавказском могли серьезно пошатнуть безопасность российских границ.

Как известно, еще с XVI в. османская сторона заявляла претензии на приволжские земли, населенные мусульманским населением. Стремясь не допустить укрепление влияния Стамбула на Северном Кавказе и в Закавказье, российские власти перешли к решительным действиям в южном направлении.

Персидский план России не был секретом для Стамбула. Султан проявлял большой интерес к российским действиям на Кавказе и нуждался в подлинной и обшир-

ной информации. Османская дипломатия действовала через своего посредника на Северном Кавказе — кубанского султана Бахта-Гирея, с которым калмыцкие владельцы имели постоянные контакты в связи с предстоящим Персидским походом Петра I. В мае 1721 г. с Кубани к Аюке приезжали посланцы Бахта-Гирея с письмами [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 9. Л. 102]. В том же месяце калмыцкий хан сообщил кабардинцам и кубанцам «о принятии от оного [похода] предосторожности» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 8. Л. 2506.].

В предстоящей военной кампании российское командование большое внимание уделяло и формированию конницы, участие которой, несомненно, могло иметь решающее значение в боевых действиях на Кавказе. Кроме драгунских конных полков, предполагалось использовать в наступательной кампании и иррегулярную конницу, состоявшую в основном из украинских и донских казаков, калмыков [Курукин 2010: 51]. Вопрос о привлечении калмыцкой конницы Петр планировал обсудить при личной встрече с ханом Аюкой. Описание встречи русского государя и калмыцкого хана сохранилось в описании шотландского врача на русской службе и путешественника Джона Белля.

Петр I со свитой совершил путешествие вниз по Волге на судах и прибыл в Саратов 20 июня 1722 г.; на следующий день, 21 июня (по новому стилю — 2 июля), состоялась встреча российского императора и калмыцкого хана, которая, несомненно, была исторической. Царский прием Аюки и его супруги прошел на галере, где организован был по этому случаю торжественный обед. Оказавшись свидетелем встречи, Дж. Белль отметил, что хан Аюка приехал верхом на лошади в сопровождении двух сыновей и многих придворных, которые также приехали на празднично убранных лошадях. Калмыцкий хан сошел с лошади на расстоянии около 60 футов от берега и был встречен тайным советником и гвардии офицером. Чтобы встретить гостя, император сошел с галеры на землю и, поздравив его и взяв за руку, повел на судно. Поднявшись на галеру, Петр представил хана императрице, которая под великолепным балдахином восседала на верхнем помосте [Белль 1896: 231].

Эта историческая встреча в том виде, какой ее описал шотландец, вызывает боль-

ше удивление и вопросы по поводу статуса калмыцкого хана в российской имперской иерархии того времени. По мнению Д. А. Сусеевой, это описание прежде всего говорит о том, что «именно император с первых мгновений встречи, в нарушение правил придворного этикета "царь и его подчиненный", демонстративно показал окружающим, что он встречает хана как почетного гостя, а сам себе отвел роль радушного хозяина» [Сусеева 2003: 229].

По наблюдениям Дж. Белля, Аюка выглядел примерно на 70 лет, хотя он на тот момент достиг уже 80-летнего возраста. В то же время шотландский врач отмечал, что хан выглядел вполне здоровым человеком: «был он еще крепок и веселого нрава». Вполне его высокой оценки получили нравственно-личностные и политические стороны деятельности Аюки: «Сей Владелец был весьма благоразумен и смышлен, и умел заставить себя почитать соседей своих откровенностию и честностию своею; и я помню, что в бытность мою в Пекине, Богдыхан отзывался об нем с великою ему похвалою. При том же имел он совершенное сведение о восточных делах» [Белль 1896: 231].

Вскоре после приезда Аюки на берег в закрытой коляске и с конным эскортом прибыла ханша Дарма-Бала в сопровождении дочери и двух приближенных женщин. Дж. Белль оставил о них следующее описание: «Ханше было около пятидесяти лет; вид она имела благопристойный и кроткий. Приехавшия с нею госпожи были молоды. Ханская дочь цвет в лице имела весьма изрядный, а волосы так черны, как агат. Оные были у нее связаны назади и лежали по плечам. У калмыков почиталася совершенною красавицею. И мать и дочь одеты были в долгия платья из персидския дорогия материи, и в круглых опушенных соболями шапочках, по их обычаю» [Белль 1896: 231].

Главным вопросом на переговорах, конечно, стало участие калмыцкой конницы в предстоящем Дербентском походе. По сведениям того же Дж. Белля, Петр I «просил» у Аюки для похода 10 тысяч человек конницы, но получил ответ, что вполне и половины запрашиваемого количества хватит для похода. Не откладывая, Аюка тотчас дал указание 5-тысячной калмыцкой коннице двигаться на соединение с русскими войсками в Терках. Шотландец был весьма удивлен скоротечностью русско-калмыцких переговоров и его положительному резуль-

тату. Как он сам отметил, «что сии два сильных Государя заключили Договор гораздо в меньшее время, нежели наши Европейские Полномочные употребляют на обед» [Белль 1896: 231].

Далее Дж. Белль ничего нам не сообщает о других встречах Петра I и хана Аюки во время остановки в Саратове. В. М. Бакунин утверждает, что император «по всенижайшему его Аюкину прошению изволил удостоить его посещением дома его» [Бакунин 1995: 35]. К сожалению, в историографии на этот счет нет другого достоверного источника о возможном ответном визите Петра I в ханскую ставку.

По мнению Н. Н. Пальмова, когда Аюка говорил о 5 тысячах калмыков, то, вероятно, он хотел подчеркнуть их высокие боевые качества, при которых вдвое меньшее войско было способно заменить 10-тысячную конницу [Пальмов 1932: 95]. Отказ Аюки от отправки на Кавказ большого количества конницы мог быть вызван и падежом конского состава в улусах в зимний период, и сохранявшейся угрозой нападения соседних кочевых народов с восточного направления. Безопасности калмыцких улусов и кочевий Аюка придавал большое значение.

Вместе с тем русское командование было прекрасно осведомлено накануне Дербентского похода о контактах Аюки с кубанским Бахта-Гиреем и кумыкскими владельцами. Как сообщает В. М. Бакунин, император был в курсе политических интриг Аюки, знал о его возможной роли в гибели в Хиве военной экспедиции князя Александра Бековича-Черкасского. Также не было секретом и известие о желании калмыцкого хана засватать дочь кумыкского владельца Чепана Чепалова за своего сына Церен-Дондука. Конечно, это шло вразрез с российскими интересами, и правительство указало астраханскому губернатору А. Волынскому через посланника отписать Аюке, чтобы он своего сына не допускал к подобному брачному союзу [Бакунин 1995: 35, 36]. В. М. Бакунин также ставил в вину Аюке постоянные его связи с крымскими ханами, персидскими шахами и турецким султаном. Последним его посланцем, кто побывал у шаха, был астраханский бухарец Абдулла Бегимов, который, в бытность его в Исфагани, познакомился с российским курьером Дмитрием Петричасом [Бакунин 1995: 37].

С целью упрочить связи с калмыцким правителем и окончательно склонить его на

российскую сторону 4 августа 1722 г. Аюке было выплачено жалованье. Сохранился перечень денежного и материального обеспечения этой выплаты: 1 000 червонных золотых, 27 половинок сукна разных цветов по 443 аршина каждая, 20 пар соболей, 35 черно-бурых лисиц, 10 лисьих бунтов, 50 беличьих мехов хребтовых, 50 беличьих мехов черевых, 2 пуда зеленого чая [АВПРИ. Ф. 119. 1722 г. Д. 7. Л. 6].

Как полагает Н. Н. Пальмов, отправка 5-тысячного калмыцкого войска была первой, за которой последовали, по требованию высшего военного командования, новые команды калмыков [Пальмов 1932: 96]. По данным В. М. Бакунина, в том же году по императорскому указу Аюке было велено направить в поход 7-тысячную калмыцкую конницу, но чтобы в ее составе не было ногайцев, поскольку военные действия предполагались против мусульманского населения. Аюка докладывал, что командовать войском он поручил своему внуку Бату Чакдоржапову [Бакунин 1995: 36]. Однако, как выяснилось позже, он выставил менее 4 тыс. воинов [Бакунин 1995: 37].

К калмыцкому войску, которое входило в состав воинской части бригадира Я.С. Шамордина, был прикомандирован поручик лейб-гвардии Преображенского полка Нефеда Кудрявцев. В начале августа 1722 г. первые калмыцкие отряды перешли Волгу и направились в сторону Дагестана [Пальмов 1932: 96].

Во время походного марша калмыцкого войска от Волги до реки Терек переводчик с калмыцкого языка Василий Бакунин узнал о нахождении среди калмыков кубанского ногайца Хаз-Мамбета Тенгисбаева, переодетого для маскировки в калмыцкую одежду. Он лично участвовал в его поимке и затем конвоировал в гребенский казачий городок Курдюков. При допросе выяснилось, что у Бату имелся ханский приказ отправить кубанца к Бахта-Гирею с информацией о дальнейшем маршруте калмыцкого войска [Бакунин 1995: 36].

Еще до Дербентского похода Аюка отправил указанного Хаз-Мамбета к кубанскому Бахта-Гирею с известием о начале похода российских войск на территорию Северного Кавказа. Несомненно, это довольно сильно встревожило местных правителей. Бахта-Гирей приказал ногайцу срочно возвращаться в калмыцкие улусы и находиться при сыновьях Чакдорджаба,

один из которых должен был обязательно возглавить войско. Хаз-Мамбет выступил в роли связного между кубанским султаном и калмыцкими владельцами по Дербентскому походу. Но В. Бакунину с помощью тайного сообщения служителя Гендена, приближенного человека Бату, удалось задержать Хаз-Мамбета и представить его на допрос к начальству. Ногайца допрашивала комиссия из трех человек: бригадира Шамордина, подполковника Соймонова и поручика Кудрявцева. Ногаец признался «в шпионстве» и под конвоем был препровожден в Астрахань, где на долгие годы был заключен в тюрьму [Пальмов 1932: 97].

Сопровождавший калмыцкое войско поручик Н. Кудрявцев, при подходе к реке Терек в августе 1722 г., поставил перед предводителями калмыцкого войска, Бату и Яманом, боевую задачу — произвести «поиск» эндиреевцев. В ходе переправы через Терек Яман в тайне от воинских людей направил Тогуса на р. Аксай к местному владельцу Султан-Махмуду с предупреждением о наступлении калмыков на эндиреевских кумыков и «чтоб они от того скрывались где кто может». Яман надеялся, что аксаевский Султан-Махмуд, который за год до этих событий принял российское подданство, предупредит эндиреевцев, продолжавших сопротивляться петровской армии. С этой целью Яман планировал вести свое войско медленно, чтобы эндиреевцы успели укрыться в горах. На следующий год при возвращении в калмыцкие улусы на Волге эти посланцы были задержаны властями и посажены в астраханскую тюрьму. Именно их показания на допросе и пролили свет о контактах калмыков с кумыкскими владельцами [Тепкеев 2017: 13, 14; НА РК. Ф. И-36. Д. 14. Л. 71, 71об.].

В. М. Бакунин подтверждал о предупреждении Яманом кумыкского владельца Султан-Махмуда, чтобы его люди «укрывались, где могут». Калмыцкий владелец собирался вести свои войска к кумыкскому селению Эндирей (Андреева деревня), расположенное в 40 верстах от Курдюкова, медленным маршем [Бакунин 1995: 36, 37].

Калмыцкий осведомитель Олдоксон в астраханской администрации подтвердил роль Тогуса как посредника в контактах Ямана и Бату с аксайским владельцем Султан-Махмудом и Кибеком. Именно последний, по словам Олдоксона, отправил от себя нарочных с предупреждением от калмыков

к эндиреевцам. Узнав об отъезде Тогуса на Аксай, Олдоксон в тот же день поставил в известность об этом Н. Кудрявцева, который на следующий день срочно приказал калмыцкому войску двигаться «на поиск». По показаниям пленных эндиреевцев, они укрылись «по присылке ведомости» от калмыцких владельцев [Тепкеев 2017: 12, 13; НА РК. Ф. И-36. Д. 14. Л. 71, 71об.].

23 августа 1722 г. российская армия вступила в Дербент, но столкнулась с серьезными трудностями в дальнейшем продвижении. Гибель большей части флотилии с провиантом на Каспии и массовый конский падеж не позволили армии двигаться дальше. Поэтому командование приняло решение отказаться от выступления против еще не покорившихся и продолжавших сопротивляться дагестанских владельцев и возвращаться в Астрахань.

Оставив в Дербенте гарнизон, русская армия 18 сентября вернулась обратно к реке Сулак. Отсюда пехота была доставлена на судах в Астрахань, а конница самостоятельно двинулась по суше. На реке Сулак государем был заложен ретраншемент, ставший местом зимовки русской армии. Здесь предполагалось строительство крепости Святого Креста — главной российской «фортеции» на Северном Кавказе [Курукин 2010: 76].

Сюда прибыла и калмыцкая конница Бату и тысячная команда донских казаков под началом атамана Ивана Матвеевича Краснощекова. Из них была срочно сформирована карательная экспедиция против усмейского владельца, который продолжал вести вооруженное сопротивление против российских войск. Владение Усмей было следующим объектом нападения русских, но из-за массового конского падежа командованию пришлось отказаться от выдвижения войск в этот район Дагестана. Поскольку предполагалось действовать в составе конницы, недостающие лошади для казаков были тут же куплены у калмыков [Бумаги императора Петра 1873: 497].

25 сентября по государеву указу от сулакского укрепления в южном направлении выдвинулась объединенная карательная экспедиция донских казаков и калмыков, которая должна была «для поиску и разорения» действовать против усмейского владения и утемышского владельца Султан-Махмуда, наиболее активно сопротивлявшихся российским войскам [Бумаги императора Петра 1873: 498]. Поручик Н. Кудрявцев по-

ставил в известность владельцев Бату, Ямана и Зай-дархан Тайджи, что им приказано «чинить поиски над противными кумыками андреевцами». Перейдя через реку Терек, поручик не стал проводить ночевку, с калмыцким войском он совершил ночной переход, и ранним утром «учинили над кумыками поиск». Получив от калмыков предупреждение о надвигающейся опасности, не все кумыкские владельцы успели укрыться в горах со скотом, что позволило калмыкам получить «великую добычу людьми и скотом» [Бакунин 1995: 36, 37].

С 26 по 30 сентября объединенное войско донских казаков и калмыков совершило набег на владение утемышского Султан-Махмуда. 26 сентября казаки и калмыки подошли к Буйнаку и разорили в его округе селения и укрепления, в том числе и те, которые избежали разгрома русской армией. В общей сложности неприятель потерял более 500 человек, «а заподлинно объявить не можно, для того, что действо чинилось в скорости да в разных местах». В плен было взято 350 человек, захвачено около 7 000 голов крупного рогатого скота и 4 000 овец. 30 сентября донские казаки и калмыки возвратились к Аграханскому заливу с богатой добычей [Бумаги императора Петра 1873: 498]. По сведениям В. М. Бакунина, калмыки разорили и выжгли семь деревень усмейского владельца [Бакунин 1995: 37].

Именно после этих боевых столкновений вскрылось истинное количество калмыцкого войска. Командование решило выплатить каждому калмыцкому воину денежное жалованье за победу над кумыками. При подсчете калмыков драгунская рота была расставлена в одну линию, а в середине оставлен небольшой проход, через который все калмыцкое войско по одному человеку было пропущено. Каждому воину было дано жалованье в размере одного рубля. Чтобы калмыки не могли бы объехать расположение драгунской роты, по обоим флангам были поставлены казачьи команды. При подсчете выяснилась истинная численность калмыцкого войска, которая составляла только 3 727 человек, не считая двух убитых. Поручик Н. Кудрявцев немедленно сообщил об этом Его императорскому величеству, написав тайному кабинетсекретарю Макарову [Бакунин 1995: 37].

В ходе карательной экспедиции от военных действий казаков и калмыков пострадали и лояльные к российской власти некото-

рые владельцы в северной части Дагестана. Так, аксаевский владелец Султан-Махмуд жаловался на калмыков в Коллегию иностранных дел: во время набега калмыки захватили у него 5 000 баранов, 100 быков. Они также задержали у себя местных ногайских мирз и 500 кибиток. Султан-Махмуд просил российские власти компенсировать ему потерянный скот в размере 2 500 руб. и вернуть его людей. Позже российские власти распорядились компенсировать все захваченное у Султан-Махмуда имущество [Русско-дагестанские отношения 1988: 43—44].

Кроме имущества и скота, калмыки у аксаевского владельца «побрали ... еще аульных ево ногайцов 1 000 дворов» [Русско-дагестанские отношения 1988: 48]. По данным В. М. Бакунина, Бату приказал увести от Терека более тысячи ногайских кибиток кундровцев, принявших российское подданство. Когда Аюке сообщили из Астрахани о недопустимости подобных действий, то он ответил, что Бату «учинил собою, да и в протчих таких делах, напредь того извинялся непослушанием ему большего сына его Чакдоржапа» [Бакунин 1995: 37].

Тарковский шамхал Адиль-Гирей жаловался Петру I на нападения калмыков и казаков на его людей, 8 человек из которых были убиты, а других ранили; ограбили в Буйнаках 12 человек, а 10 человек взяли в плен. Адиль-Гирей просил власти вернуть потерянное им имущество и людей или компенсировать потери [Русско-дагестанские отношения 1988: 43].

В дальнейшем калмыцкие владельцы не прерывали свои связи с кумыкскими правителями. Так, зиму 1722/1723 года хан Аюка с улусами провел на р. Куме «для ловли диких зверей». Отсюда он отправлял своих людей к аксайскому владельцу Султан-Махмуду, который незадолго до этого прислал к Аюке своего человека по имени Осман. Другой кумыкский владелец Чепан Чепалов, брат Султан-Махмуда, также присылал к калмыцкому хану своего представителя — Хонжалия. Переговоры в основном шли вокруг вопроса о возврате терских ногайцев, которых в ходе Дербентского похода увел на Волгу Бату. Султан-Махмуд просил Аюку о встрече, чтобы вернуть ему ногайцев и брать по прежнему с них дань [Тепкеев 2017: 8; НА РК. Ф. И-36. Д. 14. Л. 67, 67об.].

Однако по ногайскому вопросу Аюка отказал аксайскому Султан-Махмуду. Он считал, что эти ногайцы «издревле ево, хана Аюки, и жили при них, владельцах, из своей воли». Аюка, отправляя своих посланцев к Султан-Махмуду, Чепан Чепалову и другим владельцам, просил у них трех собак, «которые б ловили волков и зайцов» [Тепкеев 2017: 8, 9; НА РК. Ф. И-36. Д. 14. Л. 67, 67об.].

Таким образом, мы видим, что калмыцко-кумыкские отношения в этот период, несмотря на участие калмыков в Дербентском походе, в основном имели добрососедский характер. Роль калмыцкого хана Аюки в этих событиях неоднозначна. С одной стороны, он всецело поддерживал завоевательную политику Петра Великого, выставив калмыцкую конницу для ведения военных действий, в том числе и на Северном Кавказе. С другой стороны, Аюка в условиях сложнейшей международной ситуации продолжал поддерживать добрососедские отношения с правителями соседних северокавказских народов, даже с теми, кто действовал против интересов России.

Не желая портить отношения с ханом Аюкой, российское правительство рассчитывало и в дальнейшем использовать военный потенциал калмыцкой конницы в военно-политическом противостоянии с Османской империей.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи. [Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].]

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкии. [Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kalmykii [National Archive of the Republic of Kalmykia].]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с. [Bakunin V. M. *Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutskogo, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev. 2-e izd.* [Description of the Kalmyk peoples, in particular, Torgout people and deeds of their khans and landlods. 2nd ed.]. Elista: Kalm. Book Publ., 1995. 153 p.]

Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII вв. Люди. События. Быт. 2-е

- изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 382 с. [Batmaev M. M. *Kalmyki v XVII–XVIII vv. Lyudi. Sobytiya. Byt. 2-e izd.* [The Kalmyks: 17th 18th cc. People, events, lifestyle. 2nd ed.]. Elista: Kalm. Book Publ., 1993. 382 p.]
- Беликов 1960 *Беликов Т. И.* Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX вв. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1960. 143 с. [Belikov T. I. *Uchastie kalmykov v voynakh Rossii v XVII, XVIII i pervoy chetverti XIX vv.* [Kalmyks in Russia's wars: 17th, 18th and early 19th cc.]. Elista: Kalm. Book Publ., 1960. 143 р.]
- Белль 1896 Белль Джс. Извлечение из описания путешествия (1716–1722 гг.) // Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Вып. 1. Астрахань: б.и., 1896. С. 219—236. [Bell, John. An excerpt from the author's Travels ... (1716–1722 gg.). Astrakhanskiy sbornik ... Iss. 1. Astrakhan: Petrovskoe Society of Astrakhan Region Explorers, 1896. Pp. 219–236].
- Бумаги императора Петра 1873 Бумаги императора Петра І. Изданы Академиком А. Быковым. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1873. 654 с. [Bumagi imperatora Petra I. Izdany Akademikom A. Bykovym [Papers by Emperor Peter I. Published by Acad. A. Bykov]. St. Petersburg: Department Two of His Own Imperial Majesty's Chancellery, 1873. 654 р.]
- Колесник 2003 Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 286 с. [Kolesnik V. I. Poslednee velikoe kochev'e: Perekhod kalmykov iz Tsentral'noy Azii v Vostochnuyu Evropu i obratno v XVII i XVIII vekakh [The last great nomadic migration: arrival of the Kalmyks from Central Asia to East Europe and their return in the 17th and 18th centuries (respectively)]. Moscow: Vost. Lit., 2003. 286 p.]
- Кундакбаева 2005 Кундакбаева Ж. Б. «Знаком милости Е.И.В. ...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М.: АИРО—XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 304 с. [Kundakbaeva Zh. B. «Znakom milosti E.I.V. ...». Rossiya i narody Severnogo Prikaspiya v XVIII veke ['By mercy of His/Her Imperial Majesty ...'. Russia and peoples of the North Caspian Region in the 18th century]. Moscow: AIRO—XXI; St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2005. 304 p.]

- Курукин 2010 Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 381 с. [Kurukin I. V. Persidskiy pokhod Petra Velikogo. Nizovoy korpus na beregakh Kaspiya (1722–1735) [Persian campaign of Peter the Great. Nizovoy (southern) military corps on the Caspian shore (1722–1735)]. Moscow: Kvadriga; Ed. Office of Russia's Ministry of Internal Affairs, 2010. 381 p.]
- Пальмов 1932 Пальмов Н. Н. Этюды по истории волжских калмыков. Ч. III—IV: Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Астрахань: Калм. обл. исполн. ком-т, 1932. 391 с. [Palmov N. N. Etyudy po istorii volzhskikh kalmykov. Ch. III-IV: Ogranichitel'nye meropriyatiya pravitel'stva v otnoshenii k kalmykam [Essays on the history of the Volga Kalmyks. Parts III—IV: Government's restricting activities applied to the Kalmyks]. Astrakhan: Kalm. Obl. Executive Committee, 1932. 391 р.]
- Русско-дагестанские отношения 1988 Русско-дагестанские отношения в XVIII начале XIX в.: Сборник документов. М.: Наука, 1988. 357 с. [Russko-dagestanskie otnosheniya v XVIII nachale XIX v.: Sbornik dokumentov [Russia Dagestan relations: 18th-early 19th cc. Collected documents]. Moscow: Nauka, 1988. 357 р.]
- Сусеева 2003 Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосоциологического исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с. [Suseeva D. A. Pis'ma khana Ayuki i ego sovremennikov (1714–1724 gg.): opyt lingvosotsiologicheskogo issledovaniya [Letters by Ayuka Khan and his contemporaries (1714–1724): an effort of linguo-sociological research]. Elista: Dzhangar, 2003. 456 p.]
- Тепкеев 2017 Тепкеев В. Т. Документы по истории калмыцко-дагестанских отношений в период Персидского похода 1722–1723 гг. (по материалам Национального архива Республики Калмыкия) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 1. С. 6–14. [Tepkeev V. T. Kalmyk-Dagestani relations during the Persian campaign of 1722–1723: historical documents (a case study of materials from the National Archive of the Republic of Kalmykia). Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN (Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS). 2017. Iss.1. Pp. 6–14].

Цюрюмов 2007 — Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 464 с. [Tsyuryumov A. V. Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnosheniy [Kalmyk Khanate within Russia's borders: problems of political relations]. Elista: Dzhangar, 2007. 464 p.]

Шовунов 1991 — Шовунов К. П. Очерки военной истории калмыков (XVIII–XIX вв.) Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 191 с. [Shovunov K. P. Ocherki voennoy istorii kalmykov (XVIII–XIX vv.) [The Kalmyks: essays of military history (18th–19th cc.)]. Elista: Kalm. Book Publ., 1991. 191 р.].

УДК 94(47)

Участие калмыков в Дербентском походе 1722 г.

Владимир Толтаевич Тепкеев1

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: tvt75@mail.com

Аннотация. В статье рассматривается одна из малоизвестных страниц в истории Калмыцкого ханства — участие калмыцкой конницы в Дербентском походе 1722 г. В рамках этого военного мероприятия впервые в истории русско-калмыцких отношений произошло и знаменательное событие — личная встреча российского императора Петра Великого и калмыцкого хана Аюки. Автор статьи на примере этой военной кампании показывает неоднозначную политику калмыцкого хана на Северном Кавказе, которая характеризует хана Аюку больше как независимого политика и союзника Петра Великого, чем российского подданного. Материалы свидетельствуют, что хан Аюка в условиях сложной международной ситуации продолжал поддерживать добрососедские отношения с некоторыми правителями Дагестана, несмотря на участие калмыцкой конницы в Дербентском походе. Однако российское правительство не желало портить отношения с калмыцким правителем, рассчитывая и в дальнейшем использовать военный потенциал ханства.

Ключевые слова: калмыки, кумыки, Дербентский поход, Калмыцкое ханство, Дагестан, Петр Великий, хан Аюка